

Научная статья

УДК 316.42

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-145-153

КОНЦЕПЦИЯ «ОБЩЕСТВА РИСКА» И ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯМИ РИСКАМИ

Александр Владимирович Максимович

*Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Ростов-на-Дону, Россия
85093@mail.ru, ORCID: 0009-0006-4974-1952*

Аннотация. *Целью статьи* является анализ концепций общества риска У. Бека и Э. Гидденса, изучение специфики функционирования «общества риска» на объективном и субъективном уровне.

Методология базируется на общенаучных методах исследования, наиболее важным является сравнительный анализ. В теоретическом плане статья опирается на концепцию модернизации.

Результаты исследования. Рассмотрены и проанализированы концепции общества риска, предложенные У. Беком и Э. Гидденсом, а также рядом других авторов. Показана специфика присущих «рефлексивной современности» рисков, порождаемых не столько внешней природной средой, сколько успешной научно-технической деятельностью человека, показан всеобщий и трансграничный характер рисков, рассмотрены объективный и субъективный аспекты существования рисков в современном обществе и сложности прогнозирования рисков и управления ими.

Ключевые слова: риск, общество риска, модерн, рефлексивный модерн, индустриальный модерн, модернизация, наука, технология

Для цитирования: Максимович А.В. Концепция «общества риска» и проблема управлениями рисками // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 145–153. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-145-153>.

Original article

THE CONCEPT OF «RISK SOCIETY» AND THE PROBLEM OF RISK MANAGEMENT

Alexander V. Maksimovich

*South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
85093@mail.ru, ORCID: 0009-0006-4974-1952*

Abstract. *The purpose of the article is to analyse the concepts of risk society by W. Beck and E. Giddens, to study the specifics of the functioning of «risk society» at the objective and subjective level.*

The methodology is based on general scientific methods, the most important being comparative analysis. In theoretical terms, the article is based on the concept of modernisation.

Research results. *The concepts of risk society proposed by W. Beck and E. Giddens, as well as a number of other authors. The specificity of risks inherent in «reflexive modernity», generated not so much by the external natural environment as by the successful scientific and technological activity of man, is shown, the universal and transboundary nature of risks is shown, the objective and subjective aspects of the existence of risks in modern society and the complexity of risk forecasting and management are considered.*

Keywords: *risk, risk society, modernity, reflexive modernity, industrial modernity, modernisation, science, technology*

For citation: *Maksimovich A. V. The concept of «risk society» and the problem of risk management // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 145–153. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-145-153>.*

Введение. В данной статье рассматривается концепция общества риска, предложенная рядом современных теоретиков, среди которых наиболее влиятельными были Ульрих Бек и Энтони Гидденс. По мнению этих авторов, на исходе XX века в обществе модерна произошли важные изменения, которые позволяют говорить о переходе к «другому модерну», «рефлексивному модерну» или «обществу риска». При этом институциональная преемственность с первым, классическим индустриальным, модерном сохраняется.

Убежденность в том, что существующие социологические концепции и теоретические инструменты, созданные в эпоху классической современности, более не пригодны для исследования общества, в котором доминируют обусловленные развитием науки и технологий риски и опасности, привела Бека к выводу о необходимости изменения теоретической перспективы. Применение концеп-

ций эпохи индустриальной современности к принципиально иным проблемам научной, «рефлексивной», современности не только неэффективно, но и может быть понято как избегание ответственности за разработку и принятие новых решений возникающих проблем, ответственности за формирование новых институциональных структур для осуществления постоянного контроля за воздействием технологий, управления рисками, прогнозирования их последствий.

По сути, для эффективного управления технологическими рисками, возникающими во второй, рефлексивной, современности, «сценарий современности должен быть переписан, переопределен, заново изобретен» [8, р. 9].

Развивая теорию общества риска, Бек и Гидденс переосмысливают многие из существующих теоретических подходов к риску, включая те, которые разработаны в социологии, политологии, антропологии,

географии, психологии, праве и экономике. В конечном итоге оба теоретика приходят к выводу, что этика создания богатства, характерная для индустриальной «первой» современности, была заменена этикой избегания риска, «классовое сознание» было оттеснено на второй план «рисковым сознанием», а возросшее осознание того, что человек живет в условиях риска, неопределенности и незащищенности, стало основным катализатором многих социальных преобразований.

В данной статье мы рассмотрим не только объективные, но и субъективные стороны «общества риска» — возникновение коллективного сознания риска, как это отражено в работах Бека, Гидденса и некоторых других теоретиков общества риска.

Тотальное распространение риска. Рефлексивная современность — это коренное изменение в восприятии реальности, формирование новых ценностных ориентаций. На основе новых ценностей возникают новые поведенческие установки, нормы и ожидания. Сущность «рефлексивной современности» заключается в возрастании осознанности в отношении возможных угроз и рисков, неопределенности, с которой связаны постоянные усилия по специфической «колонизации» будущего с целью его контроля. В эпоху «рефлексивной современности» общество живет в ситуации постоянного возрастания неопределенности и уязвимости, возникающими в результате бурного развития современной науки и порождаемых ею технологий.

В своем критическом анализе технологического детерминизма и опасностей, заключенных в неконтролируемом прогрессе науки, концепция общества риска опирается на идеи ряда более ранних исследователей, критиковавших диктат технологий и технологический и технократический способ мышления (Л. Мэмфорд, Э. Хоркхаймер, Т. Адорно, Ж. Эллюль и др.).

Сторонники концепции общества риска выражают опасения, связанные с тем, что технологии срастаются с механизмами социального контроля, усиливая его. Приверженцы этой концепции обращают внимание на парадоксальное противоречие между постоянно растущей ролью науки — не только в про-

изводстве рисков, но и в их предотвращении и предсказании — и падением авторитета науки, её специфической делегитимацией в массовом сознании, которая порождается частыми неудачами в управлении разнообразными рисками, неумением предвидеть опасные последствия собственной деятельности.

Примером общественного неведения в авторитет науки является остро негативная реакция общества на проводимую в связи с эпидемией COVID-19 вакцинацию, общие сомнения в качестве лечения и эффективности вакцин. Однако необходимо отметить, что негативная реакция во многом была оправдана, поскольку деятельность национальных государств позже была подвергнута критике многими представителями экспертного сообщества.

В рамках теорий общества риска отмечаются и культурные по своему характеру угрозы. Это прежде всего угрозы, которым подвергаются личностные и коллективные идентичности в связи с эрозией унаследованных от прошлого ценностно-нормативных систем, а также обычаев.

От эпохи «первичной» современности, связанной со зрелым индустриальным обществом, которому были присущи черты определенной стабильности и устойчивости (классовая структура, устойчивая нуклеарная семья, определенность гендерных ролей, относительно устойчивая занятость и т.д.), общество риска отличается усилением процессов дезинтеграции, размывания четкой классовой структуры, ценностно-нормативной дезориентацией — тем, что У. Бек и Э. Гидденс обозначали как «превратности детрадиционализации». Сущность этих превратностей заключается главным образом в том, что высвобождение из сети четких норм и правил усиливает чувство свободы, но одновременно обостряет чувство изоляции и ненадежности окружающего мира, ослабляет экзистенциальную безопасность. Зачастую индивидам в обществе риска не остается ничего другого, как делать выбор в отношении своей самоидентификации, отношений с другими людьми, планирования и формирования своей жизни. Выбор же подразумевает принятие на себя личного риска.

Многих людей, не склонных к риску, это приводит к опасному состоянию, называемому рискованной свободой [1]. В свою очередь

это приводит к вездесущему в обществе риску ощущению тревоги и незащищенности, утраты чувства безопасности и защищенности. Стараясь сохранить более оптимистичный настрой, К. Лэш утверждает, что солидарность сообществ, основанная на религии и общих традициях, замещается другими формами сплоченности, в частности основанными на осознании рисков и стремлении к безопасности.

По мнению Лэша, риск теперь является коллективной связью, объединяющей сообщества в воображаемые сообщества риска. В рефлексивной современности сложился общий консенсус по поводу уязвимости, и это общее чувство незащищенности породило новый этос культуры риска [10].

Подход к риску в разные исторические эпохи и специфика современного общества риска. Предмодерн, первичный модерн, рефлексивный модерн и постмодерн характеризуются различным отношением к риску и неопределенности. В фаталистическом предмодерне неопределенность была обыденностью, а риск приписывался сверхъестественным силам и божественному вмешательству.

Сформированная научной революцией XVI века и Просвещением XVIII века, первая эпоха модерна характеризовалась оптимистическим настроением. Для этой эпохи была характерна вера в прогресс, убежденность в том, что укрепление социального порядка, развитие рационалистического мировоззрения, усовершенствование управленческих механизмов будут способствовать росту процветания и стабильности общества, обеспечению безопасности, сглаживанию конфликтов. Но в эпоху рефлексивной современности все эти ожидания оказываются подвергнуты сомнению, все основные институты, включая институт государства и науки, ослабевают, в результате чего постоянно растет страх перед глобальной неопределенностью.

Однако необходимо отметить, что «рефлексивная современность» — не синоним постмодерна. Теоретики рефлексивной современности не считают необходимым отказ от политических, социальных и культурных завоеваний модерна, не являются критиками научного разума. Напротив, «рефлексивная современность», с их точки зрения, долж-

на стать новой «эпохой Просвещения», что подразумевает укрепление и совершенствование рациональных методов мышления и управления, еще большую интенсивность усилий разума, укрепление демократических институтов и совершенствование управления с учетом новых проблем, в частности экологических [8].

Таким образом, концепция общества риска с её идеей рефлексивной современности не претендует на то, чтобы ниспровергать современность. Напротив, она нацелена на её продолжение и укрепление, но настаивает при этом на необходимости усиления рефлексивности, обусловленном новыми вызовами, с которыми современность сталкивается на нынешнем этапе исторического развития.

Опираясь во многом на идейное наследие «критической теории», сторонники концепции рефлексивной современности утверждают, что для обеспечения успешного перехода от индустриализма, основанного на безудержном производстве и эксплуатации природных ресурсов, к обществу, основанному на производстве знаний, предотвращении риска и сбережении природной среды, необходимо реформирование институтов, унаследованных от более ранней эпохи.

Для более глубокого понимания проблем и вызовов, стоящих перед обществами на нынешнем этапе модернизации, Гидденс и Бек анализируют модификации понимания рисков, происходящие при переходе к рефлексивной современности. К таким модификациям следует отнести перемещение фокуса внимания с природных рисков на риски, вызванные технологиями, осознание не столько онтологической, сколько конструируемой сущности рисков, понимание различия между реальными угрозами и восприятием риска, осознание того факта, что многие современные риски являются, по сути, «безграничными», поскольку уязвимость перед ними не зависит от пространственных, политических, демографических и прочих характеристик. Перед экологическими рисками, технологическими катастрофами и прочими подобными угрозами все в равной мере уязвимы.

Концепция общества риска не утверждает, что нынешние общества подвержены опасностям больше, чем более ранние общества. Речь идет именно о новом понимании

рисков и изменении их природы, появлении ряда новых угроз, а также о повышенной чувствительности в отношении угроз и их последствий.

Для общества риска характерно постоянное осознание того факта, что развитие биомедицинских, информационных, химических и других технологий является одним из важнейших источников возможных рисков. Риск перестает мыслиться только лишь как стихийное природное явление, но становится непредвиденным последствием успешной деятельности человека по преобразению и освоению природы.

На протяжении всей человеческой истории стихийные бедствия, такие как ураганы, засухи, землетрясения, наводнения, изменения климата угрожали человеку. Угрозы, связанные с ними, сохраняются и сегодня, хотя человечество в некоторой степени научилось их предсказывать и если не избегать, то ограничивать разрушительные последствия.

Однако сторонники концепции общества риска концентрируют свое внимание на других рисках, на тех, которые производятся самим человеком — в исследовательских лабораториях и на предприятиях, на высокотехнологичных производствах. Это уникальные риски, свойственные обществам с высоко развитой наукой. Можно сказать, что нынешние опасности являются обратной стороной успехов и прогрессивного развития. Иными словами, созданные научно-технической деятельностью риски представляют собой непреднамеренные последствия накопленного знания и побочный эффект «покорения природы», в котором современные общества достигли высоких результатов.

Смещение акцента с природных на техногенные риски Гидденс обозначил как следствие «колонизации природы» и «конца природы» [9]. Это означает, что сегодня осталось очень мало аспектов природного мира, которые не были бы затронуты наукой, ориентированной на получение максимальной прибыли. Гидденс считает, что конец природы наступил в тот момент, когда мы перестали беспокоиться о том, что природа может сделать с нами, и стали больше беспокоиться о том, что мы сделали с природой [9; 2].

Это сравнение между знакомыми природными и незнакомыми технологически-

ми рисками занимает центральное место во всех сравнительных исследованиях риска, как и различие между реалистической и социально-конструктивистской парадигмами понимания природы риска. Одно из важных расхождений в литературе о риске — это различие между «реальными» и «социально сконструированными рисками» [11].

Сторонники «реалистичного подхода» считают, что риски имеют объективную природу. Как таковые, они могут измерены, классифицированы, предсказаны, для чего существуют соответствующие научные методы. Сторонники культурного релятивизма, напротив, полагают: ничто не является риском само по себе и в реальности нет никакого риска — риск создается только восприятием того или иного фактора как опасного [6].

Все может быть риском; все зависит от того, как анализировать опасность, рассматривать событие. Между этими двумя крайностями находятся умеренные сторонники социального конструирования, в том числе и теоретики общества риска. Теоретики общества риска примиряют этот дуализм, описывая риски и как реальные, в том смысле, что они существуют и причиняют физический вред, и как социально сконструированные, в том смысле, что они могут быть изменены, увеличены, драматизировать или минимизировать в рамках знания, и в этом смысле они открыты для социального определения и конструирования [1].

По мнению Бека, риски, связанные с развитием технологий, являются результатом научной деятельности, а не порождаются природой самой по себе, поэтому их невозможно экстернализовать. Если человеческие инновации породили риски, то ответственность за их последствия несет человеческая мораль. Одно из главных опасений Бека заключается в том, что в сети институтов, производящих знания, происходит рассеивание или отрицание ответственности. По мнению Бека, в результате коллективного уклонения от ответственности за управление рисками коллективная безопасность, защищенность и выживание находятся под угрозой.

Эта организованная безответственность в сочетании с неспособностью социальных институтов, сформированных «первой современностью» управлять незнакомыми и не-

ограниченными рисками, возникающими во второй современности, демонстрирует, например, неспособность страховых компаний предложить адекватное страхование как защиту от риска или возмещение ущерба, а также компенсации жертвам рискованных событий. Как следствие, общество риска — это, по мнению Бека, общество «постстрахования». Оно может обеспечить страхование лишь незначительного количества очевидных и простых рисков.

Одной из особенностей, определяющих рисковое общество как крайне неустойчивое и небезопасное, является тот факт, что по мере увеличения спроса на возмещение ущерба предложение со стороны страхования снижается. Особенно в тех случаях, когда потенциальная опасность очень велика.

Индустрия страхования сформировалась в эпоху первого, индустриального модерна. Её целью было найти коллективное решение обеспечения безопасности, она базировалась на техническом подходе к пониманию риска. Гидденс отмечал, что страхование и риски связаны общим происхождением и коренятся в присущем современности желании контролировать природу, риск и будущее [9]. Эта форма страхования ориентировалась, прежде всего, на количественный подход к оценке риска. Оно не могло помешать рисковому событию произойти, но могло сократить нанесенный им ущерб, регулируя расходы. Но новые социальные подходы к риску сформировались как критика объективистского понимания рисков. Эти подходы стремились описать риск как факт человеческого опыта. Некоторые теоретики утверждали, что людей больше волнуют последствия реализации той или иной угрозы, чем вероятность её реализации. Общественное беспокойство вызывает также вопрос социальной справедливости в связи с последствиями рисков [7].

С учетом этих факторов перед системой страхования возникает необходимость разработки каких-то новых его форм. Должны быть по-новому осмыслены и учтены такие проблемы, как возмещение ущерба, ответственность за предотвращение рискованного события, управление рисками, оценка предполагаемого ущерба и т.д.

Едва ли не главным конфликтом, свойственным обществам риска, является невоз-

можность адекватной оценки предполагаемого риска. Этот конфликт из научного может при определенных условиях превратиться в политический. Ситуация может усугубляться отсутствием экспертного консенсуса по поводу определения характера и вероятности той или иной угрозы. Конфликты и конкуренция внутри экспертного сообщества способствуют подрыву общественного доверия к нему и его решениям [4]. Таким образом, возникает противоречие между рисками реальными и рисками воспринимаемыми — или социально обусловленными. Это противоречие может выражаться в общественных дебатах, превращаясь не только в теоретический вопрос, но и предмет спора различных экономических, социальных и политических субъектов, становится вопросом политики и идеологии. Свидетельством этого являются постоянные дискуссии, связанные с экологической повесткой и проблемой изменения климата.

Таким образом, воспринимаемые риски» вполне реально существуют. Они определяют как сознание индивидов, так и общественное сознание, а также влияют на идеологическую повестку, программы политических партий и общественных организаций, затрагивают деятельность коммерческих структур и развитие производства.

Но восприятие риска в индивидуальном и общественном сознании весьма существенно отличается от количественных методов расчетов реальных рисков, которые применяют в своей деятельности специалисты по эпидемиологии, управленческие структуры, инвесторы, представители страхового бизнеса, государственные структуры и т.д., потому различаются методы оценки реальных и воспринимаемых рисков. Изучение восприятий рисков подразумевает исследование эмоциональных реакций и субъективный опыт переживания и оценки рисков [3].

Границы между реальными и воспринимаемыми, техногенными и природными рисками далеко не всегда являются четкими. Необходимо отметить также, что вопрос рисков в обществе риска часто сопряжен с вопросом уязвимости различных групп перед теми или иными рисками. В этом случае вопрос предотвращения рисков тоже способен превратиться в политический.

Люди уязвимы перед многими рисками, независимо от богатства или бедности, принадлежности к элите или низам. Однако нельзя сказать, что неравенство полностью редуцируется рисками. От некоторых рисков все же легче защититься тем, кто занимает сильные социальные позиции. Но риск глобальной технологической катастрофы — это общая проблема, как и риск экологических кризисов.

Непредсказуемые риски научных исследований пересекают границу между невозможным, возможным и вероятным. Как предполагает Бек, «мир стал испытательным полигоном для рискованных проектов» [8, р. 101]. Опасности многих сложных новых технологий связаны еще и с тем, что не всегда существует реальная возможность их адекватной проверки в лабораторных условиях, не всегда также существует возможность их точного прогнозирования. Бывает так, что негативные последствия оказывается возможным обнаружить только тогда, когда некое опасное событие уже случилось в действительности.

Техногенные риски в обществе риска имеют свойство переходить границы отдельных государств и территорий, они превращаются в глобальные риски, угрожающие всему глобальному человеческому сообществу. Часто последствия реализации той или иной угрозы затрагивают тех, кто находится весьма далеко от центра событий. И это касается не только техногенных рисков, но и экономических, например. Последствия финансовых кризисов, коренящихся в экономике отдельных государств могут порождать негативные последствия в мировом масштабе [5].

И, наконец, риски общества риска могут пересекать даже границы поколений. Это означает, что скрытые эффекты ионизирующей радиации, канцерогенных химических веществ и генной терапии могут быть унаследованы еще не рожденными людьми, как и последствия политических кризисов и применения тех или иных видов оружия массового поражения.

Заключение. Развитие науки и техники, их широкое внедрение в ткань современных обществ и даже в осуществление природных процессов привело к тому, что общество классической индустриальной современнос-

ти превратилось в общество «другого модерн», в общество риска, когда человечество столкнулось с постоянной угрозой, порождаемой собственным прогрессом. Масштаб этих угроз столь велик, а характер настолько сложен, что перед обществом встает проблема формирования новых институтов, способных противостоять этим рискам. Однако при всех усилиях, предпринимаемых в данном направлении, нельзя говорить о том, что задача уже решена. Противостояние рискам осложнено тем, что в обществе зачастую отсутствует согласие по поводу тех или иных рисков, наличие опасности сопряжено с растущим недоверием к официальной экспертизе.

Список источников

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107–134.
3. Зинченко Я.Г., Максимович А.В. Социальное прогнозирование в условиях неопределенности: теория и практики изучения // Институциональные трансформации общественно-политической системы России: прошлое, настоящее, будущее: сборник трудов участников III Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 10 февраля 2023 г.). Ростов н/Д: ЮРИУФ РАНХиГС, 2023. С. 26–28.
4. Идрисова А.А. Социально-экономическая концептуализация понятия «Риск» // Вестник Казанского технологического университета. 2013. №5. С. 324–326.
5. Максимович А.В. Средства массовой информации: толерантность, ксенофобия и экстремизм в молодежной среде // Проблемы воспитания толерантности и профилактики экстремизма в молодежной среде: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов н/Д: РГУПС, 2005. С. 92–95.
6. Максимович А.В. Социальное прогнозирование: история и предпосылки появления социологической теории // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №8. С. 35–39.
7. Максимович А.В. Теории социального развития как форма социального прогнози-

рования в условиях неопределенности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №1. С. 64–67.

8. Beck U. Ecological Politics in an Age of Risk. Cambridge: Polity Press, 1995. 228 p.

9. Giddens A. Risk Society: The Context of British Politics / In J. Franklin (eds.) // The Politics of Risk Society Order. Cambridge: Polity Press, 1998. 23–24 p.

10. Lash S. Risk Culture / In B. Adam, U. Beck and J. van Loon (eds.) // The Risk Society and Beyond: Critical Issues for Social Theory. London: Sage, 2000. 46–72 p.

11. Lupton D. Risk. New York: Routledge, 1999. 198 p.

References

1. Bek U. Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk society. On the way to another modern]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2000. 383 p. (In Russ.).

2. Giddens Je. Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, risk and security]. *THESIS*. 1994; (5): 107–134. (In Russ.).

3. Zinchenko Ja. G., Maksimovich A. V. Social'noe prognozirovanie v usloviyakh neopredelennosti: teoriya i praktiki izuchenija [Social forecasting in conditions of uncertainty: theory and practice of studying]. Institucional'nye transformacii obshhestvenno-politicheskoy sistemy Rossii: proshloe, nastojashhee, budushhee: sbornik trudov uchastnikov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Rostov-na-Donu, 10 fevralja 2023 g.) [Institutional transformations of the socio-political system of Russia: past, present, future: a collection of works of participants of the III International Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, February 10, 2023)]. Rostov-on-Don: JuRIUF RANHiGS, 2023. P. 26–28. (In Russ.).

4. Idrisova A. A. Social'no-jekonomicheskaja konceptualizacija ponjatija «Risk» [Socio-economic conceptualization of the concept of

«Risk»]. *Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazan Technological University]. 2013; (5): 324–326. (In Russ.).

5. Maksimovich A. V. Sredstva massovoj informacii: tolerantnost', ksenofobija i jekstremizm v molodezhnoj srede [Mass media: tolerance, xenophobia and extremism in the youth environment]. Problemy vospitaniya tolerantnosti i profilaktiki jekstremizma v molodezhnoj srede: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Problems of tolerance education and prevention of extremism in the youth environment: materials of the All-Russian Scientific and practical Conference]. Rostov-on-Don: RGUPS, 2005. Pp. 92–95. (In Russ.).

6. Maksimovich A. V. Social'noe prognozirovanie: istorija i predposylki pojavlenija sociologicheskoy teorii [Social forecasting: history and prerequisites for the emergence of a sociological theory]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2023; (8): 35–39. (In Russ.).

7. Maksimovich A. V. Teorii social'nogo razvitiya kak forma social'nogo prognozirovaniya v usloviyakh neopredelennosti [Theories of social development as a form of social forecasting in conditions of uncertainty]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2023; (1): 64–67. (In Russ.).

8. Beck U. Ecological Politics in an Age of Risk. Cambridge: Polity Press, 1995. 228 p.

9. Giddens A. Risk Society: The Context of British Politics. In J. Franklin (eds.). The Politics of Risk Society Order. Cambridge: Polity Press, 1998. 23–24 p.

10. Lash S. Risk Culture. In B. Adam, U. Beck and J. van Loon (eds.). The Risk Society and Beyond: Critical Issues for Social Theory. London: Sage, 2000. 46–72 p.

11. Lupton D. Risk. New York: Routledge, 1999. 198 p.

Статья поступила в редакцию 25.10.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 25.10.2023; approved after reviewing on 16.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Максимович Александр Владимирович — аспирант Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54

Alexander V. Maksimovich — Postgraduate Student of the South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

70/54 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia